

А. С. Алексеева

Исл РАН, Москва, Россия alevtina.sergeevna@gmail.com

А. А. Гиппиус

НИУ ВШЭ, Москва, Россия agippius@mail.ru

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ТЕКСТОМ ОЛОНЕЦКОГО СБОРНИКА ЗАГОВОРОВ

В статье рассматривается одно из крупнейших собраний рукописных заговоров первой половины XVII в. — Олонецкий сборник (БАН. 21.9.10), изданный в 2010 г. Авторы предлагают несколько комментариев и альтернативных интерпретаций рукописного текста, основываясь на палеографическом, текстологическом и лингвистическом исследовании сборника.

Ключевые слова: Олонецкий сборник, рукописные заговоры, древнерусский язык, славянская палеография, текстология

Олонецкий сборник заговоров XVII в. (далее — ОС), уникальный источник по истории русского языка и народной словесности, выдержал несколько изданий, начиная с 70-х годов XIX в.¹ Последнее и самое полное издание ОС, выполненное под редакцией А. Л. Топоркова (РЗРИ. С. 37–310), несмотря на многочисленные достоинства (детальные комментарии и справочный аппарат, разработки в области текстологии и истории рукописи), содержит ряд неточностей в воспроизведении источника.

Проведя изучение текста по рукописи *de visu* (БАН. 21.9.10), мы хотели бы предложить ряд альтернативных интерпретаций текста и комментариев, основываясь на палеографическом, текстологическом и лингвистическом исследовании сборника². Также в работе рассматривается вопрос о наличии письменного источника или источников ОС, поднятый в работе [Алексеева, 2019а].

Передача текста в упрощенной орфографии, избранная редактором книги, сохраняется, однако в отдельных случаях мы обращаемся к рукописи, указывая номер листа в скобках.

С. 91. № 16. «В первый день молодая месяца, как утренняя зоря займетца, и, став против зори, да изговорити...». Указание на время произнесения, читающееся в рукописи как: *в пе(р)|вы(и) дны молодая мѣа³* (Л. 2) — может иметь два толкования. Во-первых, ‘в первый день’ — с ошибочным употреблением формы мн. ч. вместо ед. ч., что представлено в издании. Во-вторых, как грамматически верное сочетание ‘в первые дни’ — с отражением двух фонетических процессов: перехода *ѣ > и* и отвердения *н* (ср.: *во | вся проме(ж)ная дны* (Л. 17 об.)). Последнее решение кажется предпочтительным, не заставляя предполагать ошибку.

С. 91–92. № 3⁴. «А коли бывают ветры великии и тучи, и гром, и облака урывают да падет на землю, ино облаком имат(и) о том же, в великой чистоты быт(и) с утра, став пред образом, взят(ь) кр(е)ст или образ з...тян (в примеч.: “Несколько букв не читаются из-за грязного пятна; м. б., золотян? зо стян (со стен)?” — А. А., А. Г.) говор(и)». Предложение конъектуры лишено необходимости, поскольку в рукописи надежно читается: *взя(т) кр(с)тъ и(л)и обра(з) за га(и)|тя(н)* (Л. 3), то есть за *гайтан* ‘шнурок’⁵. Варианты *гайтян* и *гойтян* фиксируются в псковских, вологодских и олонецких говорах⁶.

¹ Подробнее об основных проблемах и публикациях рукописи см.: Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. (далее — РЗРИ). М., 2010. С. 39–46. Далее ссылки на издание даются в тексте.

² Поскольку издание ОС не предназначалось для лингвистов, мы не будем комментировать такие неточности, которые касаются языка рукописи. К примеру, в рукописи вместо «и ты держи болное место тремя персты» (РЗРИ. С. 112) в действительности употребляется исконная флексия числительного *тремя*, а выносная согласная в прилагательном *бо(л)ное* не позволяет считать *л* непалатализованным, так как в скорописи *ѣ* и *ь* при надстрочных буквах опускаются.

³ Здесь и далее в цитатах из рукописи выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках, поврежденные и/или реконструируемые буквы даются в квадратных скобках; конец строки отмечается вертикальной чертой; буквой М обозначено сокращение писца *имярекѣ*, Ч — *человѣкъ*.

⁴ Комментарий к этой записи был опубликован в работе [Алексеева, 2018а].

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 8.

⁶ Словарь русских народных говоров. Л., 1970. Вып. 6. С. 102.

Комментария требует и структура записи. А. Л. Топорков отмечает, что текст состоит из двух частей: «в первой предлагается средство увидеть всю свою жизнь от начала и до конца, во второй — средство определить источник болезни. Действия сопровождаются произнесением двух формул: 1) как облако парит над землей, так пусть из облака появится житие имярека; 2) пусть Христос и Богородица скажут, от чего болезнь» (РЗРИ. С. 154). Представляется, что природа двухчастной структуры этой записи имеет текстологическое объяснение.

Учитывая тот факт, что формульный состав и набор действий каждого фрагмента достаточно сильно различаются, рискнем предположить, что запись № 3 — в том виде, в каком она дошла в ОС, — не является генетически единым текстом. И здесь привлекает внимание ошибка в глагольном управлении: «А коли бывают ветры великии и тучи, и гром, и облака урывают да падет на землю, ино облаком *имат(и)* о том же, в великой чистоты быт(и) с утра, став пред образом, взят(ь) кр(е)ст или образ... (курсив наш. — А. А., А. Г.)» (РЗРИ. С. 92), — которая устраняется при разделении № 3 на два самостоятельных заговора и выделении одного фрагмента в качестве заглавия второго текста. Первая запись (гадание о будущем или прошлом), таким образом, заканчивается на словах: «ино облаком *имат(и)*». Употребление немотивированной формы Т. п. ед. ч., по-видимому, следствие ошибки писца, спутавшего выносные буквы *м* и *т*: *облако(т)* — это В. п. ед. ч. *облакѣ* с постпозитивной изменяемой частицей *-то (-отѣ)*, известной севернорусским говорам [Касаткина, с. 18]. Подчеркнем, что *облако* в этой фразе имеет значение ‘студенистый гриб’ и является ярким новгородизмом⁷, который подтверждает, что писец владел одним из новгородских говоров или говоров северо-восточной новгородской периферии, как установлено в работе [Алексеева, 2019б]. Имеется в виду, что ветры обрывают облака во время сильных гроз, и в это время необходимо собирать означенные грибы — нельзя не отметить игру смыслов, которая выстраивается в этом тексте и явно носит преднамеренный характер.

Ниже располагается второй текст (определение причины болезни), открывающийся заглавием *о том же*, после которого находится инструкция: «в великой чистоты быт(и) с утра, став пред образом, взят(ь) кр(е)ст или образ...» (РЗРИ. С. 92). Вероятно, писец воспринимал эти записи как один текст, так как заглавия обычно выделяются графически (впрочем, бывают исключения — см., например, в № 13).

С. 92. № 4. «Прикос кривой сабли». Основываясь на значении лексемы *прикосѣ* ‘несчастный случай, неожиданность’, издатель трактует это сочетание как «рану, вызванную неожиданным ударом сабли» (РЗРИ. С. 159). Представляется, однако, что речь идет об исконном значении древнерусской лексемы *прикосѣ* ‘прикосновение’⁸, поскольку трудно представить ситуацию, в которой удар сабли мог бы быть ожидаемым.

С. 93. № 5. «Взят(ь) земли з голов(ы) в плат, да копай земл(ю) глубоко, *и там (примеч.: «Возможно чтение: к н(о)гам (так в публикации В. И. Срезневского)». — А. А., А. Г.) полож(и) яйцо, говор(и)...». В данном фрагменте, скорее всего, употребляется лексема *подкопати*, поскольку первая буква определяется как *п* (над двумя ножками имеется перекладина), за которой следует *о*, а между ними и концом слова *-па(и)* было несколько букв: *взя(т) земли з голо(в) в пла(т), да по[дко]па(и) землю глубоко и та(м) поло(ж) яйцо (Л. 5)*. Дополнительное чтение, на наш взгляд, неоправданно, поскольку первая графема имеет косую перекладину (ср.: *из голо(в)* строкой выше), а написание *т* такого типа поддерживается примером *гостиньцы* (Л. 5).

С. 93. № 6. «Седит человек, станет, то место тепло, и ты возми щепку с места зубом или ножом...». Учитывая прагматику записи, вероятнее, что в тексте употреблено составное сказуемое *станет тепло*.

С. 97. № 11. В комментарии к заговору справедливо отмечена близость глагола *уркнутися* и слова *урок* ‘порча, сглаз’, диал. *урочиться* ‘болеть, терпеть несчастье от дурного глаза’ (РЗРИ. С. 172), однако привлечение параллелей со звукоподражательными лексемами *уркать* ‘урчать, ворковать’, ‘издавать характерные для белки звуки’, ‘ворчать, браниться’, ‘есть, чавкать’ и проч. излишне с точки зрения этимологии (см. подробнее в работе М. Фасмера⁹) и смысла, так как в записи имеется в виду исключительно сглаз.

С. 98. № 16. В Словаре диалектных и устаревших слов лексема *приточь* получает толкование ‘заговор, призванный защитить от порчи приточными словами (?)’ (РЗРИ. С. 284). Вероятнее всего,

⁷ Словарь русских народных говоров. Л., 1987. Вып. 22. С. 84.

⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1994. Вып. 19. С. 187.

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1. С. 168–169.

в этом контексте имеется в виду значение ‘болезнь, сглаз’ (ср.: др.-рус. *притѣча* ‘несчастный случай’, диал. *притка*, *приток* ‘порча, болезнь’ и ‘внезапная болезнь, вызванная колдовством, сглазом’¹⁰), чему не противоречит положение слова в тексте. Так, некоторые заглавия вполне могут обозначать не предназначение, а наименование болезни, от которой защищает заговор; ср. в № 9: «Ураз. Господи Боже, благослови, отче...» (РЗРИ. С. 96). Далее, в строке: «...велит Христос стару мужу заговаривати всякие слова приточные» — глагол *вельти* употреблен в прошедшем времени: *веле(л) Х(с)с стару мужу заговари|ва(ти) всякие слова прито(ч)ные...* (Л. 8 об.) — так же, как в том же заговоре ниже.

С. 100. № 21¹¹. А. Л. Топорков обращает внимание на нехарактерное для молитвы упоминание имени Анна (РЗРИ. С. 186). В этом контексте кажется излишним и двойное употребление *имярекъ*: «Обрете Господь наш Исус Христос, со святым Иванном Б(о)гословом обретош(а) жену Анну, имярек, родящу, чревом болящу, не могущу ей родит(и). Реч(е) Господь наш Исус Христос Иванну Богослову: Иди, Иванне, и рцы ей в правое ухо ко Анны, имярек: от Бога родимое и от Бога питаемое, выд(и), младенец, ко Христу, Христос зовет тя». Возможно, женское имя, дважды записанное в протографе как глосса над *имярекъ* (подчеркнем, что диалектная флексия *-ы* в Д. п. ед. ч. выделяется на фоне книжной ориентации заговора), при переписывании попало в текст, что породило избыточные конструкции.

С. 100. № 22. «Милостивая Пречистая государыня Богородица, с(о)лнце праведное, мати милостивая, Пречистая государыня, мати праведнаг(о) с(о)лнца, обороните оболочком и родите на сих родилах...». В комментарии к этому тексту отмечено, что *солнце праведное* употребляется по отношению к Богородице (РЗРИ. С. 187). Однако формы императива представлены во мн. ч., что позволяет предположить пропуск имени Христа после Богородицы; Христос — *солнце праведное*, Богородица — *мати праведнаго солнца*.

В Словаре русского языка XI–XVII в. входит лексема *родила* ‘детородные органы (?)’ с единственным примером из текста ОС и ссылкой на словенск. *rodilo*, *rodila* с тождественным значением¹². Толкование лексемы, на наш взгляд, не является удовлетворительным, поскольку при таком значении слово должно было бы употребляться либо с другим предлогом, либо без него и в Т. п. Вполне вероятно, что здесь отражено ошибочное прочтение *л* вместо *н* (обе буквы имеют вертикальные мачты): *родите на сих родинах*, то есть ‘помогите родить во время этих родов’. Употребление слова *родины* со значением ‘роды’ хорошо известно древнерусскому языку XVII в.; ср. с примером: «По ложному наговору Ивашка Петрова дяконциу ево Анну послѣ родин назавтрѣ болную взял еѣ в застѣнокъ»; «А вельти имѣ подѣлати печи на польхъ мѣстѣхъ, а для великихъ нужъ, родинъ, вельти избы и бани топити въ ненастные дни съ великимъ береженьемъ, съ водою»¹³. Заметим также, что *родите* может быть результатом искажения исходного *радите* ‘порадейте, позаботьтесь’¹⁴; ср. тот же эффект сближения фонетически похожих, но этимологически не связанных корней в предыдущей синтагме: *обороните* — *оболочком*.

С. 102. № 24. «Стои(т)... (в примеч.: “Текст внизу листа сильно поврежден и заклеен. Далее утрачено несколько слов”. — А. А., А. Г.) зубы у него железные, очи... (в примеч.: “Утрачено несколько слов”. — А. А., А. Г.) (ве)дунов и (ве)дуниц, // (л. 11 об.) и колдунов и колдуниц». В издании предлагается конъектура *стои(т)*, которая вызывает значительное затруднение со стороны палеографии: буква *i* написана над строкой, что делает невозможным ее сочетание с выносной буквой *т* (в ОС во всех презентных формах 3 л. ед. ч. флексия записывается полностью в строке или с выносной согласной). Такое написание обозначает сочетание предлога и местоимения с *то(i)* или форму императива от глагола *стояти*, которая, на наш взгляд, предпочтительна, поскольку входит в параллель с располагающимся выше *стань*. Также удастся прочесть еще два слова перед *зубы у него желе(з)ные* (Л. 11): *сто(i) | [...] наза(ди) и(с)по(ди)*.

В комментарии к записи А. Л. Топорков предполагает, что речь идет о железном муже, который стреляет в колдунов: «...здесь важно подобрать такой глагол, который может сочетаться с существительными в винительном и в родительном падеже с приставкой *от*. Это может быть, например, глагол *стрелять*, ср.: “...стреляют чародеица и чародеицу, и черныца, и черницу, и отрока, и девицу, ведуна и ведуниху,

¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 3. С. 368; Словарь русских народных говоров. СПб., 1998. Вып. 32. С. 16, 18.

¹¹ Комментарий к этой записи опубликован в работе [Алексеева, 20176].

¹² Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1997. Вып. 22. С. 183.

¹³ Там же. С. 184.

¹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 21. С. 122.

колдуна и колдунику... и их всех в сердце и звезду их в небе стреляют от меня, раба Б(о)жия имярек” (ОС, № 117)» (РЗРИ. С. 189). В написании *w(t) отрока и штрокови(и)* (Л. 11 об.) предлог исправлен на союз *и*, что представляется излишним, поскольку расположенные далее формы Р. п. ед. ч. *бе(л)и(цы)* и *че(р)ницы* свидетельствуют, что весь ряд однородных членов находится не в В. п., а в Р. п.: скорее всего, предлог *отъ* просто опущен перед словом *ко(л)дуно(в)* и далее. Как кажется, в этом тексте речь идет по-прежнему о тыне, поскольку введение нового персонажа в середине текста без последующего развития сюжета выглядит довольно нелогично. К тому же заговор состоит из параллельных конструкций: во-первых, это касается начала предложений *стань, тын...* и *стой, N...*; во-вторых, после этого введения следует ряд сходных перечислений потенциальных врагов, от которых имярек просит себя защитить. Зубьями может быть назван частокол, а очами — замочные скважины.

С. 102. № 25. «Пус(ть) около моег(о) скоту желез(ной) тын стан(ь) от земли до н(е)беси от зверя и от волк(у), и от всяког(о) зверя, по земли ходящег(о), и от ле(са)». В рукописи, как кажется, не дописано окончание глагола, поскольку наличие частицы *пусть* свидетельствует об употреблении презентной формы: *пусть станеть* — поэтому логичнее предлагать в качестве конъектуры форму презенса.

С. 104. № 29. «Не прилипайте ж, мои добрыи слова, ни к сухому др(еву), ни к смоливому, ни к кости, ни к камению, пр(илипитесь) (в примеч.: “В настоящее время слово не читается. Восстановлено по публикации Л. Л. Малиновского (Малиновский 1876, № 18: 193); В. И. Срезневский предлагал чтение пр<инеси>те”. — А. А., А. Г.) ж, мои добрые слов(а) к рабе Б(о)жий имярек, в ея очи, в сахарные уста...». В издании предложена конъектура *пр(илипитесь) же*, выполненная в соответствии с проблемной публикацией Л. Л. Малиновского (см. подробнее: (РЗРИ. С. 39–43)), которая смотрится органично в соседстве с формулой *не прилипайте ж*, но, тем не менее, не удовлетворяет рукописному тексту. Так, в сборнике читается окончание *-те*, за которым следует выносная буква *ж*, поэтому можно предположить либо наличие ассимиляции постфикса *-сь* и частицы *же*, либо употребление другой глагольной формы — например, *прилипните же*. Однако любой из двух вариантов не избавляет от аграмматического употребления предлога *въ*: *пр[илипи]|те (ж), мо(и) до(б)ры(е) сло(в), к рабе Бжи(и) им(р), въ ея | шчи, в саха(р)ные уста* (Л. 14). Не исключено, что книжник переписал сходный фрагмент текста, следующего после глагола *падите*, который управляет предлогом *въ*: *пр[илипни]|те (ж), мо(и) до(б)ры(е) сло(в), к рабе Бжи(и) им(р), въ ея | шчи, в саха(р)ные уста... па(ди)те (ж), до(б)ры(е) сло(в), на ра(б) Бжию імя(р), въ ея | ясные шчи, в саха(р)ные уста, в ретивое | ср(д)це* (Л. 14–14 об.). Отметим, что в обоих случаях этому фрагменту предшествует слово *имярекъ*, что могло послужить причиной перескока.

Близость этого текста с предшествующей записью отмечалась А. Л. Топорковым еще в работе [Топорков, с. 114–115]: согласно исследователю, текст № 29 был составлен исходя из № 28, который имеет многочисленные параллели в более поздних записях. На наш взгляд, причиной столь сильного сходства является то, что ранее эти записи существовали в рамках одного текста. Это подтверждается, во-первых, тем, что второй текст не имеет начала, а первый — четко выраженного окончания, кроме «Во веки веком. Аминь». Во-вторых, если первый текст начинается со слов «...пойду в чистое поле под с(о)лнечную страну. Там стоит сыр дуб крякновист...», то второй продолжает развивать эту тему: «Хожу яз, раб Б(о)ж(ий) имярек, подле синее море, прошу Б(о)жия милости...» (РЗРИ. С. 103–104). Представляется, что заминивание в окончании записи № 28 появилось в результате ошибки писца протографа, решившего, что после слов «ни на ветре не проходитце, ни делом не отделатце. Во век веком» обязательно должно находиться «Аминь». Что важно, в рукописи граница между текстами никак не обозначена — скорее всего, писец ОС воспринимал их как одно целое.

С. 109. № 37. «Вязт(ь) корки да той ускресть корки сол(ь)ю, да и на сол(ь) наговорит(ь) 3 ж, да вязат(ь) в уз(ел) (в примеч.: “Конец слова заклеен; восстановлено по контексту”. — А. А., А. Г.) (2 или 3 слова нрзб.)». Во-первых, после *корки* следует определение *w(л)хово(и)*, а во-вторых, на месте «нрзб.» удаётся прочесть указание на совершение действия участниками свадебного поезда: *взя(т) ко(р)ки w(л)хово(и) да то(и) ускресть корки со(л)ю [...] | да и на со(л) наговори(т) г(ж), да вяза(т) в уз[елъ] | і вели(т) поь(ж)жана(м), да ть (ж)е слова мла(д)[енцу] | w(т) грыжы...* (Л. 18 об.).

С. 110. № 38. «Говори на недвиго(м)ом камени или на печи, около собя чертя копьем с трубою, или топором, или косором». В действительности в рукописи читается *на недвигучемъ | камени*: нижняя часть

буквы *y* сливается с *p* в слове *че(р)тя*; сходное написание *ч* имеется несколькими строками выше в слове *поидучи*. Далее, вместо *косоромъ*, которое трактуется как *косарь* ‘легкий топорик с удлиненным лезвием, тяжелый нож на топорнице; палаш’ и ‘обломок косы, употребляемый как нож’ (РЗРИ. С. 207, 281), следует читать *косуромъ*: такое же написание *y* см. на этом же листе в написании *трубою*. Нет сомнения, что лексема *косуръ* родственна отмеченной в олонецких говорах лексеме *косура* ‘нож с загнутым концом для очистки прутьев от коры’ и упомянутой издателем лексеме *косарь*¹⁵.

С. 110. № 39¹⁶. «Си(и) слова полесовником, на полес(ь)е поидучи, как пойти на лес, взят(ь) собе под пазуху самострел и колчан, и подле себя собака, да сии слова говор(и) 3 ж, да 3 ж очерти себя железом, да взят(ь) ис пятаы двер(и), да пройти со всем и с собакою, и с самострелом сквоз(ь) пизку». В комментарии указано, что здесь «возможно, имеется в виду ритуал, при котором охотник проходит или пролезает между ногами своей жены, стоящей на пороге, что представляет собой замену полового акта» (РЗРИ. С. 208). Однако обращение к рукописи показывает, что окончание последнего слова повреждено и не поддается прочтению, а то, что принято за написание *-изк-*, в действительности является начертанием лигатуры *ят*: *сквоз(и) пя(т)[у]* (Л. 19 об.). Лексема *пята* имеет значение ‘опорная часть двери, створки ворот в виде шипа, вращающегося в гнезде, а также само это гнездо’¹⁷, таким образом, необходимо снять двери с крюка и пройти под ним вместе с собакой и самострелом.

С. 110–111. № 41. «Восе тебе, земля мат(и), верча от сей животине; старой поблуди, а молодой подроуди». В комментарии к тексту отмечено, что *верча* обозначает ‘платок, связанный в виде куколки и обвитый ниткой’; «ср. диал. *верча*, сущ. 1) вид пряжи, приготовленной с помощью закрутки нитей руками, а не веретеном (Пенз.); 2) половик, сотканный из тряпок, нарезанных в виде ленточек (Тул.) (СРНГ 1969/4: 171); *верчь* – 1) способ прядения без веретена (Тул., Пенз.); 2) то, что изготовлено таким способом (Тул., Пенз., Ряз.) (Там же); *верча*, деепр. от *вертеть* – 1) вращать, крутить; 2) поворачивать в разные стороны; вить, свивать; 3) катая, крутя, делать, изготавливать что-л. (СРЯ XVIII в. 1987/3: 51)» (РЗРИ. С. 210). Однако графема *ч* в исполнении этого писца обычно имеет более глубокую чашечку – в ОС зафиксировано диал. олон. *верга*, что в Словаре русских народных говоров истолковано как ‘заклинания, чары, колдовство’ со ссылкой на фин. *verha* ‘жертва’¹⁸. На наш взгляд, в рукописи речь идет о материальном предмете («да взят(ь) гверстянной камен(ь), да обвязат(ь) в белой платок, а вязат(ь) куколкой, да красной ниткой обвит(ь), да положи в ноги в задние» (РЗРИ. С. 110)), поэтому следует предполагать большую близость с финским словом. В настоящее время вопрос о первичности между *верга* и *verha* однозначно определяется в пользу финского слова, которое, согласно исследователям, было усвоено карельскими говорами [Kalima, с. 84–85]. Представляется, что с открытием нового словоупотребления в ОС (причем в И. п. ед. ч. в отличие от примера в Словаре русских народных говоров) можно будет скорректировать принятую точку зрения, однако этот вопрос будет рассмотрен в отдельной статье.

С. 111. № 44. «Во удоли сухо древо, а у меня черв в з(у)бех. Иванне, Иванне, иди, вопроси Лазаря четверодневнаг(о), болят ли у нег(о) зубы. Како хотят у м(е)ртвеца болети зубы, так и у раба Б(о)жия имярек зубом не болят(ь) ни вовеки». В комментарии к записи указано, что Иваном именуется мертвец (РЗРИ. С. 213), что спорно: скорее всего, мертвецом назван Лазарь, а Иван – это Иоанн Богослов, единственный из евангелистов, описавший воскресение Лазаря (Ин 11: 1–45).

С. 112. № 47. В справочной части имя *Карлуардъ* толкуется как образование от имени *Карл* с формантом *-ард*, для которого приводятся следующие параллели: «ср. заимствованные названия оружия: *алебард*, *алебарда* (СРЯ XI–XVII вв. 1975/1: 27), *голоберда*, *голебарда* (СРЯ XI–XVII вв. 1977/4: 62): см. также: *колоберд*, *колаберд* ‘орудие в виде насаженного на древко фигурного топорика, бердыш’ (СРЯ XI–XVII вв. 1980/7: 243); *оскорд* ‘род секиры, большого топора с длинной ручкой’ (СРЯ XI–XVII вв. 1987/13: 97)» (РЗРИ. С. 215). Однако *-ард* в апеллятиве *алебарда* входит в корень (*helm* ‘рукоятка, топорнице’ + *barte* < др.-в.-нем. *barta* ‘боевой топор (с удлиненным, «бородатым» лезвием)’¹⁹, равно как и в лексеме *оскордъ* (с в.-сл. рефлексацией сочетания типа **tǣrt*; ст.-сл. *скръдъ*)²⁰. Вероятнее

¹⁵ Словарь русских народных говоров. Л., 1979. Вып. 15. С. 91.

¹⁶ Комментарий к этой записи опубликован в работе [Алексеева, 2017б].

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. С. 91.

¹⁸ Словарь русских народных говоров. Л., 1969. Вып. 4. С. 125.

¹⁹ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007. Вып. 1. С. 155.

²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. С. 160–161.

всего, имя состоит из двух равноправных компонентов, что свойственно германской ономастике. Если первый компонент однозначно определяется как *karl* < др.-в.-нем. и др.-сканд. *karal* ‘мужчина’, то второй вызывает вопрос. В качестве гипотезы можно предположить др.-сканд. *voḡdr* ‘страж, хранитель’ (с отражением билабиального образования звука [w], что встречается в севернорусских говорах). Что интересно, в рукописи проставлены ударения над именем *Карлуардъ*, хотя русскоязычная часть ОС акцентирована мало и непоследовательно, в отличие от текстов на карельско-вепском языке. По-видимому, произнесение этого имени вызывало у писца трудности.

Как считает А. Л. Топорков, второе имя — *Володимеръ* — соотносится с именем *Карлуардъ*, обозначая того же персонажа: «Карлуард, болят ли у тебя, имярек, зубы? Коли имут у Володимера болети, тогда имут зубы // (л. 21) болети у меня, раба Б(о)жия имярек» (РЗРИ. С. 215). Однако текст кажется испорченным, поскольку в первом предложении слово *имярекъ* является лишним: вероятно, его подписали в процессе бытования заговора в рукописной среде. Примечательно также то, что писец отстывает от довольно последовательной тенденции к обозначению слова *имярекъ* буквой *М*, вписанной в круг, — вероятно, он не заметил ошибку и механически перенес это слово из протографа. Представляется, что имя *Володимеръ* должно было находиться после *раба Б(о)жия*, однако в процессе переписывания попало не на свое место.

С. 112. № 48. «Аще кто хоцет рож класти в (с)тор²¹, и ты возми 9 каменей да 9 жеребейков ол(ь)ховых да положи наперед, а молви: Мышем камен(ь) то им хлеб, а древо то им волога, за колико лет обновляется круг земный». Граница между инструкцией и произносительной частью, как кажется, пролегает после слова *мышем*, что позволяет избежать некорректного употребления существительного и заменяющего его местоимения в прямой речи. Обращение к мышам в ОС («камен(ь) то им хлеб...») представляется вторичным по отношению к варианту, приведенному Л. С. Соболевой: «Камень-то вам хлеб, а древо волога» (РЗРИ. С. 215).

С. 112. № 50²². «Аще ли будет медь или железа, и ты держи болное место тремя персты, глаголи сие: Глух иде на гору и налезе древо глух, и здела древо глух, и приде глуха жена, и родит глухое детя, и ты, глухая медь или железо, за что в собе здеяти, иди от человека сего проч(ь), от раба Б(о)жия имярек. Во веки веком. Амин(ь)». В комментарии к записи неточно истолкован фрагмент произносительной части: «глухой идет на гору, придет глухая жена, родит глухого ребенка» (РЗРИ. С. 216). Лишь глагол *родити* употреблен в форме 3 л. ед. ч. презенса (по-видимому, вследствие случайно приписанной *т*, так как формы презенса и аориста 3 л. ед. ч. от глаголов IV класса отличаются лишь наличием или отсутствием этой буквы), в то время как остальные формы — это аористы 3 л. ед. ч., следовательно, рассказывается о событиях плана прошедшего. Скорее всего, писец пропустил одно из расположенных рядом *и*, поскольку кажется более логичным, если бы «глух» нашел дерево и что-то выстругал из него: *и издъла дръво глухо* (от глагола *издълати* ‘сделать, изготовить’²³). В качестве гипотезы можно предположить, что «глух» выстругал себе жену (неслучайно употреблен глагол *прити*, также имеющий переносное значение ‘явиться’²⁴, а не *ити*, использованный выше), поскольку в противном случае не совсем понятно, зачем в заговоре упомянуто о нахождении дерева на горе, если этот факт не становится полноправным звеном цепочки; ср. с наименованием *глухое древо* ‘береза с шероховатыми листьями’ в русских говорах Карелии: «А еще глухой веник есть, тоже из березы, но не гладкий, глухое дерево»²⁵.

Ниже, как кажется, также допустимо прочтение *тобе* вместо *в собе* — буква *т* с удлинением продолжением левой ножки, напоминающим невыраженную нижнюю перекадину *в*; верхняя перекадина покрывает только две левые ножки, тем не менее сходное написание *т* встречается на том же листе («персты»). Однако для того, чтобы истолковать продолжение, необходимо понять, что скрывается за обращением «глухая медь или железо» (Зв. п. от *железа*).

В комментарии указано, что «прикладывание к ране или месту ушиба металлического предмета — известное средство народной медицины; оно коррелирует с “останавливающей” символикой железа в заговорах» (РЗРИ. С. 216). Но в № 50 речь идет о чем-то другом, поскольку к больному месту ничего не подносят — только надавливают тремя пальцами («и ты держи болное место тремя персты»).

²¹ Здесь и далее слова, записанные простой литореей, даны в обычной графике.

²² Комментарий к этой записи был опубликован в работе [Алексеева, 2018а].

²³ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 148–149.

²⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 19. С. 166.

²⁵ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994. Вып. 1. С. 451.

Возможное объяснение подсказывает синтаксис этой записи: конструкции с начальным *аще* обычно служат для номинации болезни или проблемы, с которой должен справиться заговор; см., к примеру, в № 45 и 58: «аще у ког(о) зубы болят, и ты пойдѣ в лес...», «аще хощеш(ь) скота отпушат(ь) мног(о), и ты шуку свежую да 3 яйца да 3 бочки меду розсыти...» (РЗРИ. С. 111, 116). Вполне вероятно, что начало записи № 50 следует интерпретировать, придерживаясь общей тенденции: ‘если случится болезнь М или болезнь N, надави на больное место тремя пальцами и скажи...’. Такое толкование согласуется с написанным в заговорной части, где медь и железа изгоняются из человека — ср. с аналогичным построением записи № 63, в которой персонифицирована грыжа: «поди же ты, грыз(ь), на ол(ь)ховую красоту, опустился ты, грыз(ь), в ол(ь)ховое корен(ь)е» (РЗРИ. С. 118–119). В том случае, если медь или железа — это названия заболеваний, становится возможным иное словоделение и перевод фрагмента: «за что тебе зде я(ті)» (Л. 21) ‘за что тебе здесь удержаться?’ — со старой формой наречия *сѣдѣ*.

Словарь русского языка XI–XVII в. и Словарь русских народных говоров действительно фиксируют употребление лексем с корнем *-желез-*, обозначающих болезни: *железа* ‘чумной бубон; моровая язва, чума’ (ср. в Никоновской летописи: «Еже желѣзоу боляху, не одинако: иному убо на шии, иному же на стегнѣ, иному же подѣ пазухую»)²⁶, *железы* ‘опухоли’, *железа* ‘затвердевшая опухоль’, ‘опухоль в пахах, образующаяся при воспалении какого-либо органа, расположенного рядом’, ‘железистая подчелюстная опухоль’²⁷. Сложнее объяснить, что стоит за словом (*глухая*) *мѣдь*: название другой болезни, пока не зафиксированное историческими и диалектными словарями, или игровой прием, построенный на роднящем оба слова компоненте ‘вид металла’? Пока этот вопрос остается открытым.

С. 112–113. № 51. «Стоит на море дуб Маврий (в примеч.: “Возможно чтение: дуб Маврын (так в публикации В. И. Срезневского)”. — А. А., А. Г.), а под ним лежѣт змия лютая, урок (подѣдает) (в примеч.: “Слово не читается. Восстанавливаем его по аналогии с текстом № 9: лютой змий под(ь)едаѣт мерзлое древо”. — А. А., А. Г.) у раба Б(о)жия имярек...». От возможного чтения можно отказаться, поскольку первое *и* стандартного типа (при написании *ы* ножки не соединяются), второе *і* — с дужкой сверху (см. пример ниже, в записи № 52: *бредущиі* (Л. 21 об.)). С другой стороны, это чтение поддерживается грамматикой: далее лексема употребляется в Р. п. ед. ч. с флексией *-я*: *налетают поверху Маврия*. Глагол, действительно, надежно не читается. По виднеющемуся окончанию *-и(т)* можно установить, что он относится к IV классу. Первые три буквы отдаленно напоминают *соч-* (*сочи(т)* ‘ищет’?), однако в этом чтении нет уверенности. После глагольной флексии имеется еще несколько полустертых букв.

По-прежнему загадочным остается чтение *шиморенес(ицы)*. Заметим только, что окончание слова читается надежно, а вместо *е* в обоих случаях следует читать *о*: *шимороносицы* (Л. 21), так как написание *е* обычно отличает ярко выраженный хвост, а некоторые написания *о*, как и здесь, имеют несомкнутые концы (см. на том же листе выше: *прико(с)*). В комментарии к этой записи указано, что писец в заговоре № 97 неверно использует глагол *есми* в предложении: «Как есми сходитя зоря с светом, так бы сходилас(ь) кров(ь) с медью и медь с кров(ь)ю...» (РЗРИ. С. 218). Представляется, что в этом примере находится результат ошибки чтения: скорее всего, писец неправильно прочитал *ести* *сходитя* — конструкции с экзистенциально-модальным *ести* отмечаются в севернорусских говорах и, в частности, в ОС [Алексеева, 2019б].

С. 113. № 52. «Мы вет(ь) куем от раба Б(о)жия, куем крюки железные и палицы железныи, крукамы вас закрючим, паличми убьем (в примеч.: “В ркп. на поле приписано несколько слов, не поддающихся прочтению”. — А. А., А. Г.)». Приписку на полях удастся разобрать: *М и его дво(ра) и(л) ш(т) его лоша(де) имя(р)* (Л. 21 об.) — она восстанавливает пропуск после Б(о)жия.

С. 114. № 54. «...да вымывши, матери да сест(ь) близко дверей баенных, на середи (в примеч.: “Возможно чтение *середу*”. — А. А., А. Г.) ноги матерные а младенца мат(ь) (в примеч.: “Испр., в ркп. мат(ь) написано дважды”. — А. А., А. Г.) полож(и) на стегне ниц и мерь правую рукою к левой ноге чрез хребет... а правой рукою (в примеч.: “Дальше зачеркнуто слово ударит(ь) (?)”. — А. А., А. Г.) бит(ь) по пятам». От дополнительного чтения можно отказаться, такое же написание сочетания *-ди* см. на л. 22: *лоша(ди)*. Трудности, однако, вызывает интерпретация фрагмента: имеется в виду наречие *насереди* или сочетание предлога с существительным *середа* ‘пол’²⁸. На наш взгляд, второй вариант

²⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 81.

²⁷ Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 9. С. 103.

²⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2000. Вып. 24. С. 85.

предпочтителен: мать садится около дверей бани, ноги лежат на полу, а младенец кладется на бедро. Зачеркнутое слово — глагол *держати: а право(i) рукои де(р)жа(т) би(т) по пята(м)* (Л. 22 об.). По-видимому, писец перескочил на строку выше в протографе и повторно записал этот глагол: «обе пяты в ногах ровно держат(ь)». Ниже, во фрагменте: «пущу на (в примеч.: *“Далее зачеркнуто одно слово, которое разобрать не удалось”*). — А. А., А. Г.) притчю щучьи зубы, росомаш(ь)и ногти» — зачеркнутое слово прочитывается: *пущу на щуку* (Л. 22 об.).

Фраза *бобровые иста* истолковывалась по-разному. Во-первых, как ‘место, где находятся яички бобра и/или бобровая струя’ (в древнерусском *исто* имеет значения ‘почка’, ‘яичко (часть полового органа)’) (РЗРИ. С. 224). Во-вторых, как ‘места, где едят, питаются бобры’, «ср. *исть, исти* ‘есть, кушать’ (Олон., Волог., Арх., Вят., Новг. и др.) (СРНГ 1977/12: 267); *истьице* ‘яство, кушанье’ (Кем.) (СРГК 1995/2: 302); в заговоре из Устюжского уезда: «...у моих святых пленок *естьва* сахарная... и *исти* досыта и пити допяна» (РГАДА 30, № 1; наст. изд., с. 321)». В-третьих, ‘как плохие места, непригодные для жизни’ (*исто* в Пудожских говорах имеет значение ‘плохо’). В-четвертых, как ‘владения, вотчина, угодыя бобров’ [Чернецов, с. 98]. Нам кажется наиболее весомым первый вариант, поскольку болезнь отсылается в место неприглядное: «поди ты, притча и порча, на пуст лес, на сухое пен(ь)е и на гнилое колод(ь)е». Четвертый вариант на данном этапе представляется неубедительным, поскольку этимология слова требует дополнительного исследования.

С. 115. № 56. «...и утверди, Господи, всякою твердостью и обдержи своею милосердою десницею от всяког(о) лютаг(о) злаго зверя, от лва и от волка, и от медведя». В комментарии к тексту А. Л. Топорков пишет, что «“Лютый зверь” и “лев” могут обозначать двух разных животных, но возможно, что именно лев и подразумевается под “лютым зверем”; в этом случае запятая после сущ. зверя является лишней; ср. в “Сборнике Кириши Данилова”: “...А тово ли люта льва-зверя...” (СКД 1977: 212)» (РЗРИ. С. 228). Как отмечает Ф. Б. Успенский, словосочетание *лютый зверь* «совмещало в себе два значения: конкретный хищник (скорее всего, волк) и свирепый, бесстрашный зверь вообще» [Успенский, с. 211]. Впоследствии конструкция *лютый зверь* стала обозначать аллгорию бесстрашия и свирепости (в первую очередь, как подчеркивает исследователь, именно льва). Как видно, в тексте ОС это сочетание также не имеет конкретного значения, поскольку следом за ним упомянуты и волк, и лев — наиболее частые «кандидаты» на роль *лютого зверя*.

В одном из предложений не отмечено зачеркнутое слово, вставленное писцом по ошибке, так как несколькими строками выше располагается сходный фрагмент; приведем цитату по рукописи: *...и за(т)кни его уши, аки аспида | глуха, и сотво(ри) его, Г(с)ди, мысль, аки у заеца, | а бегучи ш(т) вы(ж)леца, и завяжи е(г), Г(с)ди, пу(т) мое(г) | супостата, аки бьшину псу: ни ступи(т) ни наза(д), | ни вперед), ни единья ступени и ни единые че(р)|ты. И со(т)вори его, Г(с)ди, школо мое(г) стада, раба | Бжия М, со всь(х) стра(н) шгне(н)ную рьку и ш(г)ненное пла|мя... (Л. 23). Подчеркнем, что, скорее всего, в тексте пропущен предлог — должно быть *аки у аспида глуха*, поскольку в беспредложных сравнениях употребляется Д, п. (*аки бешину псу*), а с Р, п. — обязателен предлог (ср.: *аки у заеца*).*

С. 116. № 57²⁹. «Да сам постав(ь) свещу святому Георгию, // (л. 24) *да помолис(ь) о збережен(и)и живота (в примеч.: “Сверху заклеено несколько слов. Текст дается по публикации В. И. Срезневского”. — А. А., А. Г.) (да по)став(ь) угарчик одно(й) свечи да обед смысли, а на тот день припаси (1 слово нрзб.) колнина или свежую щуку, а костей то(го) дни со (стол)а не мечи». Верх л. 24 проклеен бумагой во время реставрации 1937 г., а сам лист оборван по правому краю, что затрудняет чтение расположенной на нем записи обряда первого выгона скота. Тем не менее удастся разобрать несколько не прочитанных в изданиях этого текста слов и дополнить комментарий. Гапакс *колнина*, равно как и отметка о поврежденном отрезке, приводятся и в публикации В. И. Срезневского [Срезневский, с. 496], в то время как Л. Л. Малиновский, редактировавший тексты, опускает эти детали: «да обѣдъ смысли, а на тотъ день припаси свѣжую щуку; а костей в тотъ день собакамъ не мечи» [Малиновский, 1875–1876, с. 91; Малиновский, 1876, № 18, с. 195]. На наш взгляд, после *припаси* достаточно надежно определяются четыре буквы — *наш(б)* — позволяющие предложить конъектуру *на об[ъдѣ]*, так как выше сообщалось именно о подготовке съестных припасов для трапезы: «да обед смысли».

²⁹ Комментарий к этой записи был опубликован в работе [Алексеева, 2018а].

Гапакс *колнина* не зарегистрирован ни в Словаре русского языка XI–XVII в., ни в Словаре русских народных говоров. А. Л. Топорков предполагает, что эта лексема имеет значение ‘мороженая рыба’ — «от глаг. *колоть*; ср. *строганина* от глаг. *строгать*. Несмотря на то, что одно слово в рукописи не читается, очевидно, что в тексте *колнина* противопоставлена свежей рыбе» (РЗРИ. С. 231). Однако существительные ж. р. со значением ‘продукт действия или вещество, главным признаком которого является тот, что назван производящим словом’ образуются от основ причастий или прилагательных, поэтому мы могли бы ожидать образование формы типа **колотина*, но не *колнина* (ср. *строганина* < *строганий*, *квашенина* < *квашенный*). С другой стороны, вызывает сомнение чтение первой и шестой букв. Та буква, которая определяется как *к*, имеет перекадину сверху, а две мачты располагаются параллельно, без сужения посередине, что больше напоминает написание *п*. Обе мачты в написании предпоследней буквы сближаются посередине, при этом отсутствует перекадина, что позволяет прочесть *к* вместо *п*. По-видимому, рукопись содержит другой гапакс — *польникъ* ‘тетерев’, зафиксированный в севернорусских говорах XIX–XX в.³⁰ Ниже, на месте конъектуры «со (стол)а» следует восстановить чтение *собака(м)* (Л. 24), которое имеется в первом издании ОС [Малиновский, 1875–1876, с. 91; Малиновский, 1876, № 18, с. 195] и надежно читается в рукописи, соотносясь с нижеследующим указанием «по подобию спряч(ь) стол, а костей собакам того дни не давай и никому ничего не давай».

С. 117. № 60. В примечании: «*Верх листа оборван и позднее заклеен; часть верхней строки утрачена. В конце строки читается: и Авиву*». Тем не менее, несмотря на повреждения, удается скорректировать несколько чтений. Во-первых, можно почти полностью восстановить первую строку: [Испо]вьдн[к] Гурия, [Самон]а и Авива (Л. 25). Вероятно, слева располагалась лексема *судъ* или *знамение*; ср. со строкой из Благословения архиепископа Новгородского Иоанна к хрестинам Святой Софии: «Здѣ намъ Богъ даль знаменіе святыхъ исповѣдникъ: Гурья, Самона и Авива дьякона»³¹.

«...третье(?)», выимая просвиру, а на про(сви)ри велите печи крестообразно и выразити вели четыре кресты, а выимая просвиру, г(лаго)ли». На первый взгляд, выбивается из контекста лексема *выразити* ‘выбить, вывихнуть’³². В действительности в рукописи зафиксирован гапакс *выобразити*: буквы *-w(б)-* заклеены при реставрации, однако видны на просвет. Близкое написание зафиксировано в более раннем списке молитвы в рукописи служебника Новгородской Софийской библиотеки: «и укажете вообразити на ней чотыри кресты»³³ — правильность этого чтения несомненна (ср. с: «Тогда же царь и великий князь повелѣ... многих святых на дробницах вообразити»³⁴). В начале фрагмента вне всяких сомнений читается *третье*.

«Як(о)же возврати(ли) д(е)в(и)цу во град Едес, во свой святый Авиданне (в примеч.: “Так в ркп.”. — А. А., А. Г.) (Ав)рааме и пожени (в примеч.: “Испр., в ркп. и адининити”. — А. А., А. Г.)». Смещение графем *д* и *ѳ* спровоцировало появление двух неточностей. Во-первых, название города читается как *Еѳес*, что является переосмыслением, поскольку исповедники были жителями Эдессы. Во-вторых, энигматическое *адининити* на самом деле является именем *Авини*, закономерность нахождения которого подтверждается списком из упомянутого Служебника: «тако и нынѣ святіи тріе исповѣдници, Гуріе, Самоне и Авиво, и Авидане, и Аврааме и Авеній, чюдо свое сътворите»³⁵. Конъектура издателя «(Ав)рааме и пожени», возникшая, по-видимому, из-за ориентации на поздние списки молитвы (РЗРИ. С. 235), представляется верным решением: скорее всего, *и авении* — результат неправильного прочтения *пажени*: *п* было принято за *и*, а *ж* — за *ѳ*. Подробнее об этой трансформации и текстологии памятника см. в работе [Алексеева, 2018б]. Ниже, основываясь на поздних списках молитвы, издатель предлагает конъектуру *возврати(ли)* — в рукописи, однако, удастся разглядеть последнюю букву *а*, поэтому следует восстанавливать форму аориста: *возвра(ти)|[ш]а*. Что касается формы *Авиданне*, то наиболее вероятно снова предположить ошибку чтения *Авие дьяконе*; ср. «святіи Б(о)жии исповед(н)ицы, (Гу)раю, Самоне и Авие дьяконе». Соответственно, *во свой* входит в именную группу с повторяющимися предложениями: *во град Еѳес во свой*.

С. 118. № 61. «(в примеч.: “Верх листа оборван и заклеен. Одна строка утрачена”. — А. А., А. Г.) ...на земли или на снегу, то (2 нрзб.) 3 ж следу, которые рядом, да с(ле)да возми и з землю, да взем

³⁰ Словарь русских народных говоров. СПб., 1995. Вып. 29. С. 82.

³¹ РИБ. СПб., 1880. Т. 6. С. 305–306.

³² Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 241.

³³ РИБ. Т. 6. С. 307–308.

³⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. С. 22.

³⁵ РИБ. Т. 6. С. 307–308.

в руки, воротися противо солнца, а сам говори». В левом верхнем углу листа читается буква *к*, входящая, по-видимому, в заглавие; далее следует еще несколько слов. В приведенной цитате прочитываются два неразобранных слова и *тои* вместо *то*: *тои бегло[и] л[ошади]* (Л. 25 об.). После лексемы *сам* удается разобрать еще две буквы *по-*: *по[во]ротися противо елнца*.

Далее, в загадочной фразе «Есть... (в примеч.: “1 слово заклеено”. — А. А., А. Г.) шемфау да чюм да кривай и сым... (в примеч.: “Несколько букв заклеено”. — А. А., А. Г.), на наш взгляд, читается *есть [...] | шемфау да чю(м) да криво(и), // i вы м[...]* (Л. 25 об.); не исключено, что эти слова на карельско-вепсском, как и следующий ниже фрагмент записи.

С. 118. № 62. «Как робя не спит, взят(ь) желчь заеч(ь)я да сушит(ь), да вшит(ь) в платно, да по(ло) жити робята под голова, а надо б(уде)т, и ты голови возми». Из публикации текста следует, что, если один ребенок не спит, необходимо осуществить комплекс действий и положить платок под голову (И. п. ед. ч. вместо В. п. мн. ч. / В. п. ед. ч.) уже нескольким детям (*робята* — И.—В. п. мн. ч. вместо Д. п. ед. ч.), а если потребуется помощь взрослому человеку, то ему необходимо взять некие *голови* (В. п. мн. ч., причем с нетипичной флексией). Однако если пересмотреть систему употребления покрытий и сочетаний с выносной буквой *i*, становится возможным более реалистичное прочтение текста. Лексема *робя* в действительности имеет флексию *-и*, закономерную для Д. п. ед. ч. (*робяти*), в то время как лексема *голова*, напротив, в обоих случаях записана с выносом конечного согласного основы и покрытием. Далее, следует восстановить пропущенную букву в лексеме *надобь* и трижды употребленное местоимение *ея*: после каждого из союзов *да* и после *ты*. Также можно предложить две конъектуры на поврежденной правой стороне листа: судя по лексеме *по[ло]жи(ти)*, которая надежно восстанавливается из контекста, на этом месте могло помещаться 2–3 буквы — скорее всего, здесь использован глагол *[вы]суши(ти)* (ср. с сочетанием из № 40: *взя(т)... да высуши(т)* (Л. 19 об.). После *и ты ея*, как кажется, следовал предлог *подъ*. Таким образом, запись приобретает вид, полностью удовлетворяющий грамматическим нормам своего времени: *Ка(к) робя не спи(т), взя(ти) желчь зае(ч)я да ея [вы]суши(ти), да вшит(ь) в пла(т)но, да ея по[ло]жи(ти) робя(ти) по(д) голо(в), а надо(б) б(т), и ты ея [подъ] | голо(в) во(з)ми |* (Л. 25 об.).

С. 119. № 64. «Да ложи робя в байне под порогом да мат(и) перейди чрез ноги для от крику». В этом предложении, во-первых, употребляется императив *положи* с пропуском второго слога (при начертании *л* обе ножки соединяются в одной точке по центру и не имеют длинной перекладки сверху). Нетипичное употребление двух предлогов в сочетании «для от крику» при обращении к рукописи не подтверждается: первая буква после *я* представляет собой написание *у* с не сомкнутыми в середине перекладками, которое размещено поверх других букв, то есть: *да ма(ти) пере(и)ди чере(з) ноги для уреку* (Л. 26 об.). О том, что лексема знакома писцу, можно судить по заговору № 54: «Как найдет на мл(а)д(ен)ца уреки или притча...» (РЗРИ. С. 114).

С. 119. № 70. «Как лошад(ь) через изгороду скачет на Рождество Христово, той лошади не давай ешь ни пити целые судки от петуна до петуна». Скорее всего, имеется в виду кормление лошади на праздник Рождества Христова — надо перенести запятую: «Как лошад(ь) через изгороду скачет, на Рождество Христово той лошади не давай ешь ни пити целые судки от петуна до петуна».

С. 121–122. № 77. «...от черемхи, // (л. 28 об.) и от ивы, и от ели, и от сосны, от дуба, и от березы, и от вереса, и от всяког(о) древа, и от сердечной четвербы (в примеч.: “Так в ркп.”. — А. А., А. Г.), и от рощепа, и от нащепа...». А. Л. Топорков придерживается чтения В. И. Срезневского [Срезневский, с. 499], которое неверно: существительное заканчивается лигатурой *-ти* (см. такое же начертание в записи № 60: *третие* (Л. 25)). Уничтожение гапакса *четверба*, тем не менее, не проясняет текст в полной мере: ни в одном из доступных нам словарей и словников лексема *четверть* не зафиксирована со значением ‘полено, дерево’, которое предлагает А. Л. Топорков и которое, на наш взгляд, хорошо встраивается в контекст. Наиболее близкое соответствие — лексемы *четверикъ* ‘бревно 4-саженной длины’ и *четверина* ‘бревно в 4 сажени длиною’³⁶. Ср. в Великоустюжском сборнике заговоров XVII в.: *ш(т) четве(р)ти|ны*, и *ш(т) срчны*³⁷.

С. 122. № 78. В рукописи отсутствует фрагмент, выделенный курсивом: «Как звери в море не имеют в себе ни щепоты, ни болезни ни в костех, ни в мозгах, ни во всех суставах; как не имат в себе

³⁶ Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006. С. 556.

³⁷ РГБ. Ф. 122. Великоустюжское собр. № 32. Л. 25.

камень ни щепоты, ни болезни ни в костех, ни в мозгах, ни во всех суставах, так бы аз, раб Б(о)жий имярек, не имел бы (л. 29) в собе ни щипоты, ни болезни ни в костех, ни в мозгах, ни во всех суставах...». Далее в записи употребляется атрибут *древнии* 'прил. к древо'³⁸, а не *древянии*, так как прочитывается флексия *-его*: *ш(т) всяко(г) древнего ш(т) уразу* (Л. 28 об.).

С. 123. № 80. «...пристречю и прикосы, дневныя и ночныя, ветренныя и дымныя, и естественныя...». Для слова *естественный*, как кажется, следует предпочесть толкование 'созданный естественным образом, созданный природой' (РЗРИ. С. 243), поскольку лексема встраивается в ряд явлений природы. Значение 'насланный (с пищей) во время еды' невозможно, так как слова *ества*, *ествие* и проч. имеют другой корень. Что касается фиксации *естественный* в значении 'съедобный' (Никол. Волог.), то здесь представлен случай вторичного сближения.

С. 124. № 84. «Как муравьи заговариват(и). *Моя ношка (в примеч.: «Написано в правой части листа, отдельно от остального текста». — А. А., А. Г.). Которая мышь ношка серка (в примеч.: «Так в рkp.» — А. А., А. Г.), каша с маслом, а кнут с воском. 3 ж в муравейник плюн(ь)». Лексема *серка*, истолкованная в издании как 'цвет животного' (РЗРИ. С. 246), имеет, на наш взгляд, достаточно надежное (несмотря на знак вопроса в словарной статье) значение, подкрепленное примером со сходным значением, — 'вид каши', 'вид кушанья с тлоленьим жиром' (ср.: «А къ ужинѣ на братью: шти да каша сѣрка съ масломъ... А в постной день... шти да каша соковая, да горохъ»³⁹).

При такой трактовке в записи выявляется четкая ритмическая структура:

Моя ношка, |
 которая мышь ношка,
 серка каша с ма(с)ло(м),
 а кну(т) | с воско(м).

Первая и последняя синтагмы насчитывают по четыре слога, а вторая и третья — семь и шесть соответственно (возможно, что вторая строка также насчитывала шесть слогов — при усечении окончания *которая до котора*), при этом рифмовка объединяет первую со второй и третью с четвертой. В качестве возможной интерпретации этого загадочного текста можно предположить, что написание *ношка* — это искаженное *ношна* (в скорописи начертания *н* и *к* различаются лишь наличием или отсутствием перекладки посередине), а *мышь ношна* — образование, возникшее по аналогии с библейским *вранѣ ношньи* (νυκτικόραξ)⁴⁰. «Ношкой», с одной стороны, являются два противопоставленных друг другу предмета: каша с маслом, которой привлекают муравьев, и кнут, смазанный воском, которым их изводят. С другой стороны, учитывая, что произнесение текста сопровождается троекратным плеванием в муравейник, то *ношка* может быть сопоставлена с плевром.

С. 127. № 91. «Стан(ь), белой лебед(ь), полети, вырони свое золото(е) перо лесу на возраст, а людем на прибыл(ь) *и не врать люди надобные. Милостивый (в примеч.: «Этот фрагмент в публикации В. И. Срезневского пропущен». — А. А., А. Г.) Государь Спас и Пречистая Богородица...». Вместо *и не врать* следует читать *ннѣ в рать* (Л. 32): написание *и* обычно имеет более ярко выраженную перекладину. В слове *надобные* отсутствует конечное *-е*. Прочитывается, таким образом, фраза *ннѣ в рать люди надобны*. По-видимому, здесь отражается историческая реальность, а именно убыль населения после одной из русско-шведских войн, затронувших и северо-западные земли. Далее в издании пропущена лексема *Христось*: *и вся кр(с)тная нб(с)ная сила арха(н)|елская, Х[с] и Николае чудотворецъ* (Л. 32).

С. 128. № 93. «Как не вылетывати врану из-за Сорочинских гор // (л. 33) (дво)главому, одноглавому, однокрылому, одноногому, так бы не бывати руды у раба Б(о)жия имярек... (в примеч.: «Далее одно слово затерто». — А. А., А. Г.)». Затертые, однако читаемые слова находятся после слова *руды*: *та(к) бы не быва(тi) руды | из раны кровавые у раба Бжия М* (Л. 32 об.).

С. 128. № 96. «...приходит к рабу Б(о)жию имярек, зашивает рану с края на край, с конца на конец, сам говорит: Так стой, руда, в раны; ни от камени плоду, ни от мертваго крови». На наш взгляд, прямая речь начинается со слова *стой*, а *так* относится к *говорити*; ср. с № 87, где в той же функции употребляется *сице*: «...защитихся честным крестом и помолихся святому Георгию, глаголя сице: святыи Георгий, обуздal еси 70 царев, богов еллинских...» (РЗРИ. С. 125).

³⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. С. 152.

³⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. С. 90.

⁴⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1986. Вып. 11. С. 435.

С. 131. № 104. «Пришед к могилы, да соими к... (в примеч.: “В ркп. к в кружке. Может быть, кафтан или колпак?” — А. А., А. Г.) да проговори слова ряд да поклонися мервому (так! — А. А., А. Г.) до земли...». Учитывая противоречащие христианскому поведению действия и слова (субъект пытается воздействовать на противника, призывая на помощь леших и водяных, формула «се аз, раб имярек...» употребляется без атрибута *Божий*, обряд проводится около могилы, отсутствует заминивание), вероятнее всего, что буквой к обозначается слово *крестъ*.

«...да возми креп невелик, да положи в портки или да рукаш (так! — А. А., А. Г.)». Слово *креп* истолковано как «какой-нибудь камень, например, точильный брусок или огниво (ср. упоминание огнива в № 5); наименование крепом подчеркивает крепость камня как его основное свойство» (РЗРИ. С. 264). Однако левее *-репъ* читается буква *а*, перед которой находятся еще одна-две не читаемые сейчас буквы. Вероятнее всего, здесь было написано простой литореей [т]арепъ ‘камень’, о котором шла речь выше: «И вы, из леса лешые, из воды водяные, возмите (у) сег(о) имярек мертвеца камен(ь) и положыте моему супостатаю, кулачному бойцу имярек, на руки, или на ноги, или на главу...».

С. 132. № 106. «Ты, матица, над сею храминою бол(ь)ше всех, а сия трава над тобою...». После *всех* находятся два зачеркнутых писцом слова: *а я(з)*. Ниже, во фразе «так бы в сей зыбки сей (в примеч.: “Испр., в ркп. сес с выносным с”. — А. А., А. Г.) раб имярек» исправление излишне, поскольку *сесь* — старая форма указательного местоимения.

С. 135. № 115. «...вымү трость, уговорю кость. Уйми болезнь и щыпоту всякую у раба Б(о)жия имярек...». При написании графемы *у* писец часто оставляет нижний конец недописанным, что действительно напоминает начертание *и*, однако в этом случае не может быть никаких сомнений: в рукописи написано *уиму* — форма встраивается в серию действий, совершаемых одним и тем же субъектом.

С. 136–137. № 117⁴¹. «...емлют в свои святые руки луки тугие и тятивы шелковые, и стрелы каленые, и отстреливают около меня, раба Б(о)жия имярек, на все на 4 на стороны приточное дело, и призорное дело...». В рукописи употреблен глагол *ш(б)стръливаю(т)* — как в № 125 (РЗРИ. С. 144).

В комментарии к изданию ОС отмечается, что бóльшая часть заговоров № 117 (Заговор от болезни и порчи) и № 125 (Заговор от злых людей) совпадает, при этом начало первого текста утрачено (РЗРИ. С. 272). Это утверждение нуждается в уточнении. В обеих записях речь идет об одних и тех же субъектах, за исключением Богородицы и св. вмч. Димитрия Солунского, которые упоминаются только в № 125; см.: «...положила ключи на престоле к самому государю Иисусу Христу и ни кто тех ключей добыт(ь) не может... ставятся аггелы и архангелы, херувим(и) и серафимы, Михаила архангел и Гавриил архангел со всею небесною силою, Георгий стратотерпец и Борис, и Глеб, и Флор, и Лавер около тыну железного и около кровли булатные, (и) около врат медных...» (№ 117) и «на том престоле седит сам Господь наш Исус Христос и Пречистая Мати Б(о)жия со своими аггелы и архангелы и аггельскими силами, с воины и воеводы, и со всею небесною силою. Тут стоят херувими и серафимы, и архангелы Михаила и Гавриил со всею небесною святою силою, и Георгий стратотерпец, и Борис, и Глеб, и Фрол, и Лавер, отпускаютца на сыро матеру землю, емлют в свои святые руки луки тугие и тятивы шелковы, и стрелы каленые, и ставятца около меня, раба Б(о)жия имярек...» (№ 125). Привлекают внимание и текстуальные схождения между двумя записями: тын железный, кровля булатная и т. п., особенно — фраза «сотонина аггела в сердце», которая встречается только в № 117 и 125. Эти совпадения, как кажется, могут иметь лишь одно объяснение: когда-то оба «заговора» являлись одним текстом, который был разъединен посередине; приведем последние строки из № 125 — начала и первые из № 117 — продолжения (граница обозначена косой чертой): «...закрывает Пречистая Мати Б(о)жия своими святыми руками, и златыми ключами, и златыми замками / на сей⁴² на вес(ь) год от Великог(о) четверга да до Великог(о) четверга, положила ключи на престоле к самому государю Иисусу Христу...». В № 117 имя Богородицы не названо, однако из контекста понятно, что речь идет именно о ней; отсутствие в этой части упоминания св. вмч. Димитрия Солунского, по-видимому, следует считать пропуском.

Когда именно произошло разделение текста: в ОС или в антиграфе? Обратимся к рукописи; так выглядит роспись состава последних трех листов:

Л. 39 об. — окончание № 116г (заполнен на треть).

Л. 40 — начало № 117.

⁴¹ Комментарий к этой записи был опубликован в работе [Алексеева, 2017а].

⁴² В издании слова «на сей» отсутствуют — восстанавливаем по рукописи.

- Л. 40 об. — окончание № 117, начало № 118.
 Л. 41 — окончание № 118, начало № 119.
 Л. 41 об. — окончание № 119, № 120.
 Л. 42 — начало № 121.
 Л. 42 об. — продолжение № 121.
 Л. 43 — окончание № 121, начало № 122.
 Л. 43 об. — окончание № 122.
 Л. 44 — начало № 123.
 Л. 44 об. — окончание № 123, начало № 124.
 Л. 45 — окончание № 124 (заполнен на две трети).
 Л. 45 об. — начало № 125.
 Л. 46 — окончание № 125.
 Л. 46 об. — пустой.

В том случае, если бы в ОС были переложены листы и л. 40 встал не на свое место, пришлось бы признать, что между началом и продолжением заговора находилась совершенно пустая сторона л. 46 об., что маловероятно. Как видно из росписи, л. 39 об. заполнен лишь на треть — возможно, книжник понимал, что текст поврежден и оставлял место для его восполнения. Этот текстологический казус свидетельствует о наличии единого антиграфа как минимум трех последних листов ОС с записями № 117–125, в том числе на карельско-вепском (№ 118–119), что позволяет дополнить два наблюдения, высказанных в сопроводительной статье к изданию.

А. Л. Топорков обращает внимание на то, что «рукопись завершается словами о том, что Богородица замыкает вокруг имярека железный тын (№ 125). Это замыкание, вероятно, относится и ко всему тексту ОС в целом. Таким образом, в конце сборника помещен типичный символический текст- «замок». Следует отметить, что многие рукописные сборники заговоров XVII–XIX вв. заканчиваются именно такими «замками»... Это, пожалуй, наиболее убедительное свидетельство того, что писцы относились осознанно к внутренней организации сборника» (РЗРИ. С. 67). Вполне вероятно, что писец ОС воспринимал этот фрагмент как законченный текст, однако, как показало исследование, он не мог быть символическим завершением антиграфа, поскольку имел продолжение в виде записи № 117.

Отдельный вопрос, который поднимался исследователями ОС, — положение 8 карельско-вепских заговоров в составе сборника. А. А. Турилов и А. В. Чернецов называют их своеобразной тайнописью, поскольку они сопровождаются комментариями на русском языке; А. Л. Топорков, напротив, считает, что писцы владели диалектом или обращались с просьбой записать тексты к другому колдуну (РЗРИ. С. 81–82). Однако почерк при записи карельско-вепских заговоров не меняется; в случае же № 118–119, как видим, есть дополнительное подтверждение наличия письменного источника, что, впрочем, не оспаривает гипотезу о знании диалекта писцом ОС.

С. 140. № 121. «...держите вы его, докулева яз к вам не буду с обедом и з белым лебедем...». В издании не отмечено ошибочное написание, зачеркнутое самим писцом: *де(р)жыте вы его, докуле|ва яз к ва(м) не бу(ду) с обьдо(м) и з белы(м) яццо(м) | лебедемъ* (Л. 42 об.).

С. 140. № 122. «...надобно замыкат(ь) у вомры рабы имярек сердце с тем вомром рабом имярек во единое место...». В этой записи несколько раз употребляются лексемы *вомрѣ* и *вомра*, не зафиксированные ни в исторических, ни в диалектных словарях. А. Л. Топорков предполагает, что таким образом может записываться слово *имярекъ* (РЗРИ. С. 276–277), однако этому противоречит наличие данной лексемы наряду с загадочным обозначением: «у вомры рабы имярек» и др. (РЗРИ. С. 141). Этимологические разыскания также не приводят к убедительному объяснению (издатель предлагает считать эти слова искусственным образованием, в котором приставка *во-* ‘очень’ соединяется с компонентом *-мра-* ‘очень симпатичный, приятный, славный’ от прил. *мравный*). Рискнем предположить, что за последовательностью *вомр* скрывается графическая основа прилагательного *божий* (*божь|я, божь|ю*), записанная с использованием особой тайнописи, заменяющей буквы ближайшими к ним по форме: Б — на В, Ж — на М, Ъ — на Р. Кодирова таким образом основу на *j* [*божj*], *вомр-* морфологически оформляется как краткое прилагательное с исходом на твердый согласный: *вомра, вомру*. Таким образом, *у вомры рабы* = *у Божьи рабы, с тем вомром рабом* = *с тем Божьим рабом*. Несвойственная сочетанию *раб*

Божий препозиция атрибута может также быть формой искажения — своего рода «антиповедения», по Б. А. Успенскому, вызванного эротическим характером текста, в котором использование Божьего имени в чистом виде было недопустимо. Хотя подкрепить такую интерпретацию сколько-нибудь близкими аналогиями мы в настоящее время не можем, прозрачность получаемого смысла и мотивированность тайнописного кодирования слова дают основание высказать это предположение.

С. 141. № 123⁴³. Записи № 123 и 124 (Заговоры от деревьев и от недругов) на л. 44–45, как кажется, дошли в составе ОС в дефектном виде. Первый текст состоит из 7 формул: «1) инвокация; 2) как ангелы и архангелы стерегут небо и землю, так пусть они стерегут имярека от недругов; 3) имярек говорит добрые слова...; 4) пусть деревья, которые полетят на имярека, будут как хмелевое перо; 5) пусть деревья гнутся и рассыпаются как глина; 6) имярек уговаривает всякие деревья; 7) перечисление деревьев» (РЗРИ. С. 277), второй — из 10: «1) есть море-океан; 2) в море есть царь Шустия, у него три сына булатных; 3) пусть они помогут имяреку от его недруга; 4) пусть они причислят имярека к своему числу (?); 5) пусть его кости будут булатными, а тело каменным; 6) как жиды распинали Христа и не могли добыть крови, так пусть враги не могут добыть крови у имярека; 7) ангелы и архангелы покрывают имярека от недругов и деревьев; 8) пусть тело имярека будет булатным, а деревья мягкими (?); 9) инвокация; 10) “замок”» (РЗРИ. С. 278).

Обе записи также обнаруживают ряд текстуальных сходжений. Во-первых, это касается формул № 2 (№ 123) и № 7 (№ 124): 1) список ангелов, архангелов и святых, к которым обращается имярек и которые затем исполняют просьбу, покрывая его булатными одеялами; 2) имярек просит защитит от недругов и получает защиту «от недругов и супостатаев»;

3) указание «на сий день и на сий час» (Л. 44). Скорее всего, ранее эти формулы существовали внутри одного заговора, направленного на защиту от врагов. Во-вторых, привлекают внимание сходные фразы в № 4 (№ 123) и № 8 (№ 124): «Се аз, раб Б(о)жий имярек, стану говорити слов добрых, и которые древа на меня, раба Б(о)жия имярек, сег(о) дни полетят, и падали бы сего дни на меня, на раба Б(о)жия имярек, аки хмелевое перо...» и «...которые древа на меня сего дни полетят, на раба Б(о)жия имярек. Тело бы мое было булатное, а древам около меня тлен, словам ключ, а древам тлен...». Вероятно, эти формулы также находились в одном заговоре от падения деревьев; сюда же, как кажется, относится № 7 (№ 123), где перечислены названия деревьев.

Труднее определить исходное бытование формул № 1–6 (№ 124). В той части, где имярек обращается к царю Шустии и просит уберечь его от недругов, появляется фраза, сходная с той, что встречается в фрагментах, определяемых нами как заговор от падения деревьев: «...тело б мое было каменное супротив моег(о) недруга и супротив тех дрв, которые на меня сего дни полетят, на раба Б(о)жия имярек». При этом выше имярек просит у царя и его сыновей лишь защиты от врага: «И будите мне в помощ(ь) супротив моег(о) недруга, и причтите меня, ра(ба) Б(о)жия имярек, в свое булатное поровен(ь)е». Такая несимметричность выглядит довольно необычно: либо что-то было пропущено во второй цитате, либо, наоборот, добавлено в первой — например, в качестве гармонизирующей правки после слияния текстов. Формула № 6 выглядит законченной структурой, которая кажется логичной в составе заговора от недругов (отметим в том числе лексему *супостатай*, роднящую ее с № 7 (№ 124)).

Итак, изначально тексты могли выглядеть следующим образом. Заговор от недругов: «Господи, благослови, отче. Святии агели и архангели Михаила и Гаврила, и святии страсотерпцы Борис и Глеб, Георгий Победоносец, Дмитрей Селунский, хранител(и) Господни, как стережете и бережете небо и землю и тайну человеческую, так постерегите и поберегите меня, раба Б(о)жия имярек, на сий день и на сий час, от восходу солнца и до закату солнца от моих недругов. И как распинали жидове на Синайстей горы самог(о) государя царя Исуса Христа небеснаго, не могли добыти ни крови, ни раны, ни уразу, ни болезни, ни щепоты, ни ломоты, ни пухоты; так бы мои супостаты на мне, на рабе Б(о)жии имярек, не могли добыти ни крови, ни раны, ни уразу, ни болезни, ни щипоты, ни ломоты, ни пухоты. И святии агели и архангелы, хранители Господни Михаила и Гаврил, святии страсотерпцы Господни Борис и Глеб, Георгий Победоносец, Дмитрей Вселунский и вси святии покрывают меня, раба Б(о)жия имярек, на сес день и на сес час своими булатными одеялами, главу мою, и тело мое, и руки, и ноги, и сердце, и все мои суставы, и жилы, и кости от моих недругов и супостатаев» (РЗРИ. С. 141–143). Заговор

⁴³ Комментарий к этой записи был опубликован в работе [Алексеева, 2017а].

от падения деревьев: «Се аз, раб Б(о)жий имярек, стану говорити слов добрых, и которые древа на меня, раба Б(о)жия имярек, сег(о) дни полетят, и падали бы сего дни на меня, на раба Б(о)жия имярек, аки хмелевое перо, и гнулося бы около меня, раба Б(о)жия имярек, всякое древо, которое из земли на сем свете выросло, аки репная нятина, розсыпалис(ь) бы около меня всякие древа, аки земная глина. Се яз, раб Б(о)жий имярек, уговариваю древа, от корени древа, ото пня отрастел, древо березу, древо дубовое, кленовое, древо вязовое, древо липовое, древо желомустинное, древо вересовое, древо илмовое, древо сосновое, древо еловое, древо осиновое, древо ол(ь)ховое, древо черемховое, древо // (л. 44 об.) товолжаное, древо щипичное, древо ясное, древо ивовое, древо рябиновое, древо (в примеч.: “В ркп. оставлены пустые места для названий деревьев”. — А. А., А. Г.) ... древо... древо... древо... древо сухое, колотое древо, от змеи горелое древо, нащеп дровянной, еловой, сосновой, березовой или санной, которые древа на меня сего дни полетят, на раба Б(о) жия имярек. Тело бы мое было булатное, а древам около меня тлен, словам ключ, а древам тлен, а телу моему тлен. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Сим словам амин(ь)» (РЗРИ. С. 141–143). Заговор про царя Шустию: «Есть море окиян, есть в том в окияне мори царь Шустия, у царя Шустия 3 сына булатных. И будите мне в помощ(ь) супротив моег(о) недруга, и причтите меня, ра(ба) Б(о)жия имярек, в свое булатное поровен(ь)е. И ребра мои были бы медные и кости булатные, а тело б мое было каменное супротив моег(о) недруга и супротив тех дрв, которые на меня сего дни полетят, на раба Б(о)жия имярек» (РЗРИ. С. 141–143); курсивом выделена гармонизирующая правка.

С. 144. № 125. «...Георгий страстотерпец, и Борис, и Глеб, и Фрол, и Лавер, отпускаютца на сыро матеру землю...». Как кажется, в тексте представлена лексема *сыроматеръ*, поскольку прилагательное в В. п. ед. ч. не может иметь флексию -о; ср. с *сыроматерый*⁴⁴. Ниже, во фразе «со всею небесною силою», употребляется лексема *небесьскыи*: правая ножка буквы не прямая, а с изгибом посередине. Далее, во фрагменте «выимаю(т) из (ме)ня, из раба Б(о)жия имярек, тяготу, и щепоту, и порчу, и болезни...», использована лексема *портежь*: выносная буква ж осталась незамеченной; графема ч в почерке этого писца обычно имеет более глубокую чашечку, равно как и у имеет более выраженные очертания.

В дополнение к сказанному следует отметить, что, во-первых, на оборотной стороне л. 4, оборванного снизу на 80 %, располагаются две строки еще одного текста: *шгня, говоря(т) по(и)ди зажги [га(ти)] ре(к) | и ру(ч)евъ ржа(в)чи(н) и боло(т)*. Также возможно прочтение *зажги[га(ти)]* с предвосхищением г, однако столь малый контекст не позволяет предпочесть какой-либо из вариантов. Во-вторых, между записями № 77 и 78 находится приписка *щепотины* (Л. 28 об.), выполненная сходными с припиской в № 124 чернилами. В-третьих, сочетание *захвостывать шелковчинку* ‘парить веником’ из словника в тексте № 10 не обнаруживается: в заговоре употребляется лишь глагол.

Приведенные комментарии ни в коей мере не являются исчерпывающими: несмотря на значительное число исследований, посвященных ОС, многие места по-прежнему остаются затемненными и требующими особого внимания. Хочется надеяться, что в будущем появятся новые работы об этом памятнике письменности.

Литература

- Алексеева А. С. О двух загадках Олонецкого сборника // Антропология. Фольклористика. Социолнгвистика: сборник тезисов (Санкт-Петербург, 23–25 марта 2017 г.). СПб., 2017. С. 4–7. [Алексеева, 2017a]
- Алексеева А. С. Олонецкий сборник заговоров: о перспективах палеографического и лингвотекстологического изучения рукописи // Фальсификации и ошибки в фольклористике и культурной антропологии. Сборник тезисов и материалов XVII Международной школы-конференции. М., 2017. С. 92–94. [Алексеева, 2017b]
- Алексеева А. С. О переводе «Αβραάμ σε καταδίωκει, ὁ Ἰσαάκ σε καταφθάνει, Ἰακώβ σε ἀνατρέχει...» в русских неканонических молитвах // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. М., 2018. С. 170–173. [Алексеева, 2018a]
- Алексеева А. С. Три комментария к Олонецкому сборнику // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXVII Всероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (27–30 ноября 2017 г.). СПб., 2018. С. 139–144. [Алексеева, 2018b]

⁴⁴ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 371.

- Алексеева А. С. О протографе Олонецкого сборника // Текстология и историко-литературный процесс. М., 2019. Вып. VII. С. 11–21. [Алексеева, 2019а]
- Алексеева А. С. Русскоязычные тексты Олонецкого сборника: фонетика и грамматика // Русский язык в научном освещении. 2019 (в печати). [Алексеева, 2019б]
- Касаткина Р. Ф. Еще раз о статусе изменяемой частицы -то в севернорусских говорах // Исследования по славянской диалектологии. М., 2008. [Вып.] 13. С. 18–30.
- Малиновский Л. Л. Заговоры и слова, по рукописи XVIII века // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1875–1876. Вып. 1. Отд. II. С. 69–92.
- Малиновский Л. Л. Заговоры и слова, по рукописи XVIII века // Олонецкие губернские ведомости. 1876. 28 февраля. № 15. С. 161–163; 3 марта. № 16. С. 172–173; 10 марта. № 18. С. 192–195.
- Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. М., 2010.
- Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных в Олонецком крае В. И. Срезневским. СПб., 1913.
- Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. М., 2005.
- Успенский Ф. Б. «Лютый зверь» на Руси и в Скандинавии // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского, 16–18 июня 2003 г. СПб., 2003. С. 205–212.
- Чернецов А. В. «Часть с частью, кость с костью» (рецензия на книгу «Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в.» (составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова). М., 2010) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 85–104.
- Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

References

- Alekseeva, A. S. O dvuh zagadkah Oloneckogo sbornika [About Two Mysteries of *Olonetskii sbornik*]. In *Antropologiya. Fol'kloristika. Sociolingvistika: sbornik tezisev (Sankt-Peterburg, 23–25 marta 2017)*. SPb., 2017. pp. 4–7.
- Alekseeva, A. S. Oloneckij sbornik zagovorov: o perspektivah paleograficheskogo i lingvo-tekstologicheskogo izucheniya rukopisi [*Olonetskii sbornik of Handwritten Charms: about Prospects of the Paleographic, Linguistic and Critical Investigation of the Manuscript*]. In *Fal'sifikacii i oshibki v fol'kloristike i kul'turnoj antropologii. Sbornik tezisev i materialov XVII Mezhdunarodnoj shkoly-konferencii*. M., 2017. pp. 92–94.
- Alekseeva, A. S. O perevode “Αβραάμ σε καταδιώκει, ὁ Ἰσαάκ σε καταφθάνει, Ἰακώβ σε ἀνατρέχει...” в russkih nekanonicheskikh molitvah [About Translation “Αβραάμ σε καταδιώκει, ὁ Ἰσαάκ σε καταφθάνει, Ἰακώβ σε ἀνατρέχει...” in Russian Apocryphal Prayers]. In *Slavyanskij mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy molodezhnoj nauchnoj konferencii v ramkah Dnej slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury. 22–23 maya 2018 g.* M., 2018. pp. 170–173.
- Alekseeva, A. S. Tri kommentariya k Oloneckomu sborniku [Three Commentaries to *Olonetskii sbornik*]. In *Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshchestva. Materialy XXXVII Vserossijskoj mezhvuzovskoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh “Kurbatovskie chteniya” (27–30 noyabrya 2017 g.)*. SPb, 2018. pp. 139–144.
- Alekseeva, A. S. O protografe Oloneckogo sbornika [About the Protograph of *Olonetskii sbornik*]. In *Tekstologiya i istoriko-literaturnyj process*. M., 2019. Vol. VII. pp. 11–21.
- Alekseeva, A. S. Russkoyazychnye tekсты Oloneckogo sbornika: fonetika i grammatika [The Russian Texts of *Olonetskii Sbornik: Phonetics and Grammar*]. In *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2019 (in press).
- Chernecov, A. V. “Chast' s chast'yu, kost' s kost'yu” (recenziya na knigu “Russkie zagovory iz rukopisnyh istochnikov XVII – pervoj poloviny XIX v.” (sostavlenie, podgotovka tekstov, stat'i i kommentarii A. L. Toporkova). M., 2010) [“The Part with Part, the Bone with Bone” (the Review on the Book “The Russian Charms from Handwritten Sources of 17th – the First Half of 19th Centuries” (Compilation, Preparation of Texts, Articles and Commentaries by A. L. Toporkov)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2010. № 3 (41). pp. 85–104.
- Kalima, J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen (Balto-Finnic loan words in the Russian language). Helsingfors, 1915.
- Kasatkina, R. F. Eshche raz o statuse izmenyaemoj chasticy -to v severnorusskikh govorah (Once again about variable particle -to in North Russian dialects). In *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii*. M., 2008. [Vol.] 13. pp. 18–30.
- Malinovskii, L. L. Zagovory i slova, po rukopisi XVIII veka [The Charms and Words in the Manuscript of the 18th Century]. In *Oloneckii sbornik*. Petrozavodsk, 1875–1876. Vol. 1. Part II. pp. 69–92.

Malinovskii, L. L. Zagovory i slova, po rukopisi XVIII veka [The Charms and Words in the Manuscript of the 18th Century]. In *Olonetskie gubernskie vedomosti*. 1876. 28 fevr. № 15. pp. 161–163; 3 marta. № 16. pp. 172–173; 10 marta. № 18. pp. 192–195.

Russkie zagovory iz rukopisnyh istochnikov XVII – pervoj poloviny XIX v. [The Russian Charms from Handwritten Sources of 17th – the First Half of 19th Centuries]. M., 2010.

Sreznevskii, V. I. Opisanie rukopisej i knig, sobrannyh v Oloneckom krae V. I. Sreznevskim [The Description of Manuscripts and Books Collected in Olonets Governorate by V. Sreznevskii]. SPb., 1913.

Toporkov A. L. Zagovory v russkoj rukopisnoj tradicii XV–XIX vv.: Istorija, simbolika, poetika (Charms in the Russian handwritten tradition of the 14-15th centuries: history, symbolism and poetics). M., 2005.

Uspenskii, F. B. “Lyutyj zver” na Rusi i v Skandinavii [The “Ferocious Animal” in Russia and Scandinavia]. In *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – VII. Materialy chtenij, posvyashchennyh pamyati professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo, 16–18 iyunya 2003 g.* SPb., 2003. pp. 205–212.

Alina S. Alekseeva

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksey A. Gippius

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

SOME OBSERVATIONS ON TEXT OF OLONETSKII SBORNIK

The article deals with one of the biggest collection of handwritten charms of the first half of the 17th century – *Olonetskii sbornik* (Library of the Russian Academy of Sciences, 21.9.10) published in 2010. The authors propose some commentaries and alternative readings of handwritten text based on paleographic, codicological, critical, and linguistic analysis of the manuscript.

Keywords: *Olonetskii sbornik, handwritten charms, Old Russian language, Russian folklore, Slavic paleography, textual criticism*

